

Что такое бихевиоризм? Введение

Б. Скиннер (1904-1990) — американский психолог, представитель бихевиоризма, профессор психологии Гарвардского университета, внес значительный вклад в теорию и методики обучения, разработал философию "науки человеческого поведения", служащую основой социального бихевиоризма. Основные произведения: "The behavior of organism" (1938), "Science and human behavior" (1956), "Reflektions on bahaviorism ans society" 1978 Публикуемый фрагмент представляет собой перевод введения из книги Б. Скиннера "Что такое бихевиоризм?", в котором приводятся основные аргументы против бихевиоризма, с которыми полемизирует Скиннер.

Перевод с нем. © Головин Н. А. 1999, по изданию: Skinner B. Was ist Behaviorismus? Reinbek bei Hamburg: Rohwolt, 1978. S. 9-11.

Бихевиоризм — это не просто наука о поведении людей, а теория этой науки. Некоторые вопросы, которые он поднимает, звучат следующим образом: возможна ли вообще такая наука? Способна ли она представлять все аспекты поведения людей? Какие методы она может использовать? Являются ли ее законы такими же строгими, как законы физики или биологии? Выходит ли она за пределы чистого управления поведением, и если да, то какую роль она играет в человеческом обществе? Особое значение имеет ее влияние на более ранние формы обращения с тем же самым субъектом. Человеческое поведение — наиболее общая характеристика мира, в котором мы живем. Поэтому мы можем исходить из того, что на эту тему говорится больше, нежели на любую другую тему. Что во всем этом заслуживает того, чтобы за это держаться?

На некоторые из этих вопросов однажды будут даны ответы благодаря успешным или безуспешным результатам научных или технических исследований. Но эти вопросы ставят проблемы, на которые уже сегодня крайне необходимо дать хотя бы предварительный ответ. Многие интеллигентные люди считают, что хотя уже некоторые ответы были, но в совокупности они уже не кажутся такими перспективными, как раньше. Ниже приводится множество определенных мнений, которые приходится слышать о бихевиоризме как науке о человеческом поведении. Мне кажется, что все они являются неверными. Итак, о бихевиоризме говорят, что он:

1. игнорирует наличие категории сознания, чувственных состояний и душевных переживаний;
2. опираясь на тот аргумент, что все поведение приобретает в течение индивидуальной истории, он пренебрегает врожденными способностями человека;
3. под человеческим поведением понимает просто совокупность ответных реакций на определённые раздражители, таким образом индивид описывается как автомат, робот, марионетка, машина;
4. не пытается учесть когнитивные процессы;
5. не отводится место для изучения намерений или целевых установок человека;
6. не может объяснить творческие достижения в изобразительном искусстве, музыке, литературе или точных науках;
7. не отводится место индивидуальному ядру личности или его самочувствию;
8. он по необходимости является поверхностным и не в состоянии обращаться к глубинным слоям души или индивидуальности;
9. ограничивается прогнозом и контролем поведения человека, и не касается на этом основании сущности человека;

10. работает с животными, особенно с белыми крысами, а не с человеком, поэтому его картина поведения человека ограничивается теми чертами, которые человек разделяет с животными;
11. результаты, полученные в лабораторных условиях, не применимы к повседневной жизни. То, что высказывается по поводу поведения человека, поэтому есть лишь необоснованная метафизика;
12. наивен и излишне упрощён. То, что выдаётся в качестве действительных фактов, является либо тривиальным, либо уже давно известным;
13. выглядит скорее наукообразным, нежели научным, и скорее подражает естественным наукам;
14. его технические результаты (успехи), достижимы и посредством использования здорового человеческого рассудка;
15. если утверждения бихевиоризма должны иметь силу, то они должны относиться и к бихевиористски ориентированным исследователям. Отсюда, следует то, о чём они говорят, является неверным, поскольку их высказывания обусловлены лишь их способностью делать такие высказывания.
16. «дегуманизирует» человека, он релятивирует всё и разрушает человека как человека;
17. занимается лишь общими принципами, пренебрегая уникальностью каждого индивида;
18. по необходимости антидемократичен, поскольку испытуемые подвергаются манипуляции со стороны исследователя, поэтому его результаты могли бы быть использованы скорее диктатором, чем благонамеренными государственными деятелями;
19. рассматривает абстрактные идеи, например, мораль или правосудие исключительно как фикций;
20. безразлично относится к теплу и многообразию человеческой жизни, несовместим с творческой радостью в изобразительном искусстве, музыке и литературе, а также с истинной любовью к ближнему.

Перечисленные утверждения, как мне думается, представляют собой удивительно неправильное понимание значения и достижений данной научной парадигмы. Как объяснить такое непонимание? В большой степени этому может послужить обращение к началам бихевиоризма. Первым учёным, определённо считавшим себя бихевиористом, был Джон Уотсон, который в 1913 г. опубликовал своего рода манифест под названием "Психология глазами бихевиориста" ("Psychology as the Behaviorist Views it"). Уже само название произведения говорит о том, что Уотсон отнюдь не собирался создавать новую науку, а лишь придерживался мнения, что психология, начиная с того момента, должна была заниматься изучением поведения. Стратегически это было, пожалуй, ошибкой, поскольку большинство психологов того времени придерживались точки зрения, что они должны исследовать душевные процессы в мире сознания. По этой причине они, естественно, не были готовы согласиться с Уотсоном. Учёные, стоявшие у истоков бихевиоризма, тратили массу времени на борьбу с интроспективной методикой исследования духовной жизни, из-за чего центральное значение основного предмета их исследования было отодвинуто на второй план.

Сам Уотсон сделал несколько важных наблюдений относительно инстинктивного поведения. Фактически он был одним из первых современных этологов. Однако изучение способности организма к обучению произвели на него такое впечатление, что он несколько преувеличил способности новорожденных младенцев к обучению. Впоследствии он сам признал это преувеличением, но с тех пор этот факт всегда приводят в пример, чтобы показать якобы необъективность Уотсона. Новая форма науки,

разработанная им, появилась в некотором смысле преждевременно, ибо он имел в распоряжении весьма немного научно достоверных фактов из области поведения, прежде всего человеческого. Для каждой новой формы науки всегда возникает проблема, состоящая в том, что поначалу она располагает слишком малым количеством фактов. Для научной развивающейся и претенциозной программы Уотсона, которая касалась такой широкой области, как человеческое поведение, это обстоятельство было весьма существенным недостатком. Ему требовалось больше фактического материала, чем он мог найти. Поэтому неудивительно, что многое из того, что он говорил и писал, кажется наивным или слишком упрощенным.

Научный материал бихевиоризма, который имел в своем распоряжении Уотсон, касался условных и безусловных рефлексов. Но его понятие безусловного рефлекса было подчинено принципу причинности, который соответствовал схеме действия и противодействия и слишком сильно соответствовал распространенному в 19 веке представлению о механизме. Это представление господствовало и в работах русского физиолога И. П. Павлова, опубликованных примерно в то же время. Психология "стимула и реакции", развивавшаяся на протяжении последующих 3-4-х десятилетий, также не изменила этого представления.

Из всех результатов, достигнутых им, наибольшее значение придавалось тем, которые легче всего можно было повторить на опыте. Большей частью они основались на наблюдении за животными: за собаками Павлова и белыми крысами зоопсихологов. Считалось, что поведение человека не отличается от поведения животных особым своеобразием и подчиняется тем же законам. Для подтверждения своего утверждение о том, что психология представляет собой точную науку, и чтобы собрать дальнейший материал для своей книги, Уотсон опирался на результаты анатомии и психологии. Подобным путем продвигался и Павлов, утверждая, что его эксперименты над поведением фактически являются "исследованием физиологических процессов в коре больших полушарий". И все же оба ученых были не в состоянии осуществить прямое наблюдение процессов в нервной системе, посредством которых можно было бы объяснить поведение человека. В результате они были вынуждены давать поспешные интерпретации сложных поведенческих актов. Так, Уотсон утверждал, что мышление — язык, предшествующий всякой речи; а для Павлова речь была просто "второй сигнальной системой". Уотсон мало, а то и вовсе ничего не мог сказать по поводу субъективных намерений человека, целеполагания и творчества. Он подчеркивал большие технические возможности науки о поведении, однако его примеры не были так уж несовместимы с манипулятивным контролем за поведением.

Прошло более 60 лет со времени опубликования Уотсоном своего манифеста, за это время кое-что успело произойти. Научный анализ поведения достиг большого прогресса, а недостатки теории Уотсона с моей точки зрения имеют лишь исторический интерес. Критика бихевиоризма, наоборот, едва ли претерпела изменения. Все недоразумения, которые я перечислил, все еще постоянно встречаются в сочинениях философов, теологов, представителей социальных наук, историков, литераторов и психологов. Неопределенность, имевшая место в начале истории бихевиористского движения, едва ли может послужить достаточным объяснением для недоразумениям такого рода.

Несомненно, что некоторые трудности возникают из того факта, что предметом исследования бихевиоризма выступает человеческое поведение, которое тонко реагирует на внешние влияния. Если мы сами наблюдаем за собой, то способ, каким мы это делаем, часто приводит к определенным результатам, зачастую непростым по последствиям. Далее, бихевиористское наблюдение влечет за собой определенные яркие изменения.

Некоторые понятия. Которые структурируют традиционные формы наблюдения, глубоко укоренились в нашем языке. Они на протяжении столетий господствовали как в повседневной речи, так и в языке науки. Все же было бы несправедливым обвинять критиков бихевиоризма в том, что они неспособны освободиться от исторических предрассудков. Так как должны быть иные причины тому, что бихевиоризм как теория науки о поведении все еще связан с сильными недоразумениями.

Мне кажется, тому есть следующее объяснение: эту науку неправильно понимают как таковую. Есть целый ряд наук о поведении. Как я покажу прежде, некоторые из них определяют свою предметную область, не касаясь при этом главных тем бихевиоризма. Вышеприведенная критика могла бы лучше всего относиться к особой дисциплине, которую можно было назвать экспериментальной наукой о поведении. Она изучает поведение отдельных организмов в тщательно оберегаемой окружающей среде и на основе этого исследования определяет отношения между определенным поведением и его окружением. К сожалению, эта форма анализа поведения получила очень скромную известность. Ее важнейшие представители, а их сотни, очень редко поддаются стремлению объяснить свой путь публике, интересующейся наукой. В результате лишь немногие посвящены в фундаментальное научное знание, которое я считаю наиболее ключевым для бихевиоризма.

Бихевиоризм, который я представляю в этой книге, является теорией особой формы науки о поведении. Читателю должно быть понятно, что не каждый бихевиорист согласится со всем тем, что я собираюсь сказать. Уотсон тоже говорил о бихевиоризме, но он был *бихевиористом* своего времени. Сегодня никто из теоретиков не может монополизировать этот термин. Поэтому следующие рассуждения в известной мере являются — и как бихевиорист я должен сказать: с необходимостью — моим личным мнением. Всё же я полагаю, что при этом речь идет о связном и непротиворечивом изображении, которое даёт удовлетворительный ответ на вышеизложенную критику.

Помимо этого я убежден в значении бихевиоризма. Насущные проблемы, с которыми сегодня сталкивается мир, противостоит мир сегодня, могут быть решены только в том случае, если мы будем постоянно увеличивать своё понимание человеческого поведения. Я не без оснований полагаю, что можно отказаться от традиционных теорий, которые сохранились через века. Именно они в значительной степени ответственны за наше сегодняшнее положение. Бихевиоризм в состоянии предложить многообещающую альтернативу. Я написал эту книгу с тем, чтобы раскрыть его позицию.
